

2207 Певческий мост

КОГДА в Москве, на Кропоткинской улице, в Музее Пушкина в день смерти поэта 10 февраля (29 января по старому стилю), в 2 часа 45 минут пополудни объявляется минута молчания, а потом исполняются распев Рахманинова, концерт Бортнянского, «Утро» Чайковского, исполняются и стихи Лермонтова на музыку Рубинштейна. Лермонтова поют Пушкину. Стихи младшего поэта звучат в память о старшем.

Хор поет тихо в тихом многолюдном зале; поет как бы издали в далеком, из настоящего в прошлое, из прошлого в настоящее.

В этот же день, в этот же час и в эти же минуты в Ленинграде, на Мойке, в Музее-квартире Пушкина, тоже после минуты молчания, исполняют Рахманинова, Чайковского, Бортнянского...

Передо мной необычная почтовая открытка Всесоюзного музея А. С. Пушкина и Института русской литературы АН СССР (Пушкинского дома) — «Просим Вас прийти 10 февраля в квартиру А. С. Пушкина». Напоминание? Нет. На память. Каждому.

Я храню такую памятную открытку за 1982 год. На ней напечатан, всего в десять строк, некролог о Пушкине. Написал его питавший к Пушкину «глубокое уважение и душевную любовь» Владимир Федорович Одоевский — литератор, критик, публицист, музыкальный и общественный деятель.

Вот эти строки... Вглядитесь, вслушайтесь, вшепчите:

Солнце нашей поэзии заткалось! Пушкин скончался, скончался во цвете лет, в средине своего великого поприща!... Больше говорить о нем не имеем силы, да и не пужно; всякое Русское сердце знает всю цену этой невозвратимой потери, и всякое Русское сердце будет растерзано. Пушкин! наш поэт! наша радость, наша народная слава! Не ужь ли в самом деле нить уже у нас Пушки-

на?... Къ этой мысли нельзя привыкнуть!

29 января, 2 ч. 45 м. по полудни.

Редактор А. Краевский, напечатавший некролог в газете «Литературные прибавления» к «Русскому инвалиду», получил строгий выговор от министра народного просвещения Уварова: «Что это за черная рамка вокруг известия о кончине человека не чиновного, не занимавшего никакого положения по государственной службе?.. Разве Пушкин был полководец, военачальник, министр, государственный муж?!»

Он не государственный муж — он Солнце!..

...Пушкин умирал, «истаивал». Летел снег мимо окон его квартиры; мимо его жены, мимо его детей; летел мимо времени. Полицейский врач написал донесение: «Г-н Пушкин при вехе пособиях, оказываемых ему Его Превосходительством г-ном лейб-медиком Арендтом, находится в опасности жизни». Пушкину назначены холодные со льдом примочки, холодное питье. Холод сейчас облегчает поэту страдания. Это одно из «пособий», которые могли предложить врачи того времени раненому в живот Пушкину. «В те дни извозчикам говорили: «К Пушкину» — и они уже знали, куда ехать».

Пушкин прощался с детьми, с женой, с друзьями, с книгами своей библиотеки, которые возвышали его «над мелочами жизни и над бурями судьбы». Небольшой стеллаж, а вернее, полки из обшурганых, крытых лаком досок перегородивали комнату пополам, отделяли ту ее часть, где находился камин и стоял коричневый диван с высокими спинками. Поэт лежит на диване, в окружении книг. Истаивают силы, истаивает сердце, меркнут желания. Затих, молчит камин. Затихла, молчит подо льдом Мойка. Холод на окнах. Холод за окнами. Холод на Мойке.

Неслышным шагом, легче снега, легче времени вышла на Мойку печальная пушкинская муза: Пушкин простился с ней последней. Никто этого не

знал, только он и она. И это их последняя тайна в бурях судьбы. Зима. Лед. Холод. Снег. И одиноко удаляющаяся одинокая пушкинская муза.

Хор поет в Москве на Кропоткинской улице в доме № 12, хор поет в Ленинграде на Мойке в доме № 12. Поэт из этой зимы в ту зиму, из этого дня в тот день. Из Москвы в Ленинград, из Ленинграда в Москву. Из дома № 12 в дом № 12. Поэт тихо, возвышенно, памятно. Вечно. ...Певческий мост... Певческий мост...

ЗНАМЕНИТЫЙ географ и путешественник Семенов-Тянь-Шанский оставил уникальную запись — как его, 10-летнего мальчика, дядя возил в дом умирающего Пушкина. И там он «видел и звал великого Лермонтова».

Лермонтов на Мойке. Один. Еще не узнавший Россией. Но через два дня он будет узнал. Сейчас он стоит на том месте на Мойке, где будет построен мост, Певческий мост — большой, широкий. Чугунные решетки, на них рисунок — листья папоротника. Сквозь снег и зиму мост от одного поэта к другому. «Я был еще болен, когда разнеслась по городу весть о несчастном поединке Пушкина». И тем не менее Лермонтов на Мойке. Пушкин для Лермонтова «дивный гений», «наша слава». Александра Смирнова-Россет, которая «как дитя была добра», и чьей дружбой дорожили и Пушкин и Лермонтов и чья «скромная фрейлинская келья на 4-м этаже Зимнего дворца, — как вспоминает Аксаков, — сделалась местом постоянного собрания всех знаменитостей тогдашнего литературного мира», — написала об отношении Лермонтова к Пушкину: «Это... единственный человек, которого он так сильно любил и смерть которого была большим горем для Лермонтова. Он бы его сдерживал, направлял, советовал».

К Пушкину не пускали толпа в передней и в зале. У Пушкина не было сил. Он сказал Данзасу, что ему было бы приятно видеть всех,

но у него уже нет силы говорить. Нет силы... Смерть стремительно приближалась. Но если бы он знал, что пришел и стоит возле его дома Михаил Лермонтов... Если бы об этом знали Жуковский, Вяземский, Данзас, Виельгорский — композитор, с которым Александр Сергеевич в последнее время особенно сдружился, с которым Пушкин познакомился потом и Лермонтов... Если бы знал друг Пушкина и врач Владимир Даль — может быть, все свои самые последние силы Пушкин отдал бы уже Лермонтову!

Пушкину дают холодильное питье, капли опума. Стоит у изголовья миска со льдом. Пушкин берет слабевшими пальцами обломочки льда, трет ими виски, роняет лед, и он падает с тихим, безнадежным звоном обратно в миску. Остаются немногие часы жизни: огнестрельная, проникающая рана в живот. «Плохо, брат...» Это было сказано Далю. «Первый раз Пушкин сказал мне ты, — вспоминает Владимир Даль, — я отвечал ему так же и побртался с ним... уже не для здешнего мира».

«Плохо, брат...» Вы слышали, Лермонтов, слова умирающего Пушкина? Скажите, слышали? «Плохо, брат...» Вы должны были их услышать, Лермонтов. Слова были сказаны, обращены не только к Владимиру Далю, но и к вам. И вы их услышали. Слова будут потом кричать в вашем сердце, переполняя его горечью и злостью. Они помогут вашим стихам, сразу написанным. Сразу! Вы услышали слова — «Плохо, брат...», и вы сделали, что смогли.

Через несколько дней, вы, лейб-гвардии корнет, в нетерпении «ломаю один за другим» карандаши, написали и главные шестнадцать строк — равные пуле. Плохо, брат... Плохо, брат... Чем вы могли помочь? Чем вы могли отомстить? Стихом! Яростным!

Пуля за пулю! Лермонтов видел Дантеса лично, этого «безотечественного иноземца». Знал и записал своей рукой, что Пушкин долго был преследуем муче-

ниями и насмешками и сделал шаг, защищая честь своей жены. Поэт нуждался в защите и его защитил поэт, память о нем. Защитил всей силой своего таланта, всей силой своей судьбы. Стихи Лермонтова на смерть Пушкина разнеслись по С.-Петербургу и двинулись по России. Стихи называли «прекрасными», «достойными», «энергичными», а кто был испуган — «чересчур вольнодумными», «раздражением нервов», «темными»; жандармам они напомнили «декабристские» воззвания к восстанию». А бедная бабушка волновалась за МишЫнку и пыталась стихи «исхитрить... из общения в публике». В особенности из кондитерской Вольфа и Беранже, где их в читальном зале переписывали.

Неслышным шагом, легче снега, легче времени, войдет сюда пушкинская муза, возьмет листок со стихами и так же, легче снега, легче времени, уйдет. Ее никто больше никогда не увидит: она ждала этот лермонтовский листок, чтобы отнести его Пушкину уже не в здешний мир.

...Певческий мост... Певческий мост... Он — начало поэтической судьбы младшего поэта. Он — и его первая царская опала и высылка из столицы.

В ПЕТЕРБУРГЕ быстро, позимнему, стемнело. Лейб-гвардии корнет стоял на Мойке. Смотрел на пушкинскую квартиру. Стояло множество людей. Молчали. Было холодно, в особенности, к вечеру. Сани, кареты, возки. Дыхание лошадей дымилось белыми факелами. Верхами — жандармы; они здесь, конечно, по приказу Бенкендорфа, «политического наблюдателя за поведением поэта». И подумать только, через год в стенах бывшей квартиры Пушкина будет праздноваться свадьба дочери Бенкендорфа! А Бенкендорф станет политическим наблюдателем за поведением Лермонтова, этого гусарского офицера с «вольнодумством более чем преступным».

Вновь и вновь приезжала и

отъезжала карета лейб-медика Николая Федоровича Арендта. И даже Арендт, «который видел много смертей на своем веку и на полях сражений, и на болезненных одрах, — как писал Вяземский, — отходил со слезами на глазах от постели его (Пушкина) и говорил, что он никогда не видел ничего подобного, такого терпения, при таких страданиях».

В морозных окнах пушкинской квартиры блеснули морозные звезды свечей, но все чаще их перекрывала возрастающая в квартире густота людских взволнованных теней.

Корнет Лермонтов видел сквозь январскую ночь одинокий, постепенно потухающий в январском снегу огонек — пушкинскую звезду. Издали в далеком, из настоящего в прошлое, из прошлого в настоящее. Вот она, самая большая звезда, «драгоценность России».

... ПУШКИН родился светлым июнем, когда Москва пахнет цветущими полями: конец пролетая, начало лета. Пушкин родился в начале лета. Пушкин всегда наш светлый июнь.

Михаил КОРШУНОВ.